

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич.</i> «Воспоминание и я — одно и то же»	9
В. А. ЖУКОВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ	
<i>К. К. Зейдлиц.</i> Из книги «Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. По неизданным источникам и личным воспоминаниям»	37
<i>А. П. Зонтаг.</i> Несколько слов о детстве В. А. Жуковского	92
Из писем к А. М. Павловой	108
<i>С. П. Жихарев.</i> Из «Записок современника»	114
<i>М. А. Дмитриев.</i> Из книги «Мелочи из запаса моей памяти»	117
<i>И. П. Липранди.</i> И. Н. Скобелев и В. А. Жуковский в 1812 году. Отрывок из воспоминаний	128
<i>Н. А. Старынкевич.</i> Из «Воспоминаний»	135
<i>Ф. Н. Глинка.</i> Из «Очерков Бородинского сражения»	139
Из «Писем русского офицера»	139
<i>И. И. Лажечников.</i> Из «Походных записок русского офицера»	140
<i>Т. Толычева.</i> Из «Воспоминаний»	144
<i>А. П. Петерсон.</i> Черты старинного дворянского быта	148
<i>К. Н. Батюшков.</i> Из писем	150
<i>Д. В. Дашков.</i> Из письма к П. А. Вяземскому	161
<i>Ф. Ф. Вигель.</i> Из «Записок»	162
<i>В. Ф. Одоевский.</i> Из «Воспоминаний»	172
<i>И. И. Козлов.</i> Из «Дневника»	173
<i>Н. М. Языков.</i> <Из писем к родным>	178
<i>А. И. Дельвиг.</i> Из книги «Полвека русской жизни. Воспоминания» ...	181
<i>Н. М. Коншин.</i> Из «Записок»	185
<i>П. А. Вяземский.</i> По поводу бумаг В. А. Жуковского	187
Жуковский в Париже. 1827 год. Май. Июнь	193
Из статьи «Характеристические заметки и воспоминание о графе Ростопчине»	203
Из «Объяснений к письмам Жуковского»	204
Из «Старой записной книжки»	206
Из «Записных книжек»	211
Из седьмой записной книжки (дополнение)	214
Из статьи «Жуковский. — Пушкин. — О новой пиитике басен»	215
Из переписки с А. И. Тургеневым	215
<i>А. И. Тургенев.</i> Из «Дневника» (1803)	220
Из писем к брату, Н. И. Тургеневу (1808—1810)	220
Из «Дневников» (1825—1826)	221
Из писем к брату, Н. И. Тургеневу (1827)	223
Из «Хроники русского»	225
Из «Дневника» (1832—1837)	228
<i>Н. И. Греч.</i> Из «Записок о моей жизни»	232

А. Д. Блудова. Из «Воспоминаний»	238
А. О. Смирнова-Россет.	
Из «Воспоминаний о Жуковском и Пушкине»	240
Из «Записок»	249
Из «Автобиографии»	249
Н. М. Смирнов <Из записок. Жуковский>	257
М. И. Глинка. Из «Записок»	259
И. В. Киреевский. Из писем к родным	262
И. С. Тургенев. Из «Литературных и житейских воспоминаний»	267
В. А. Соллогуб. Из «Воспоминаний»	270
А. С. Пушкин. Из «Дневника 1833—1835 гг.»	272
Из писем	273
А. М. Тургенев. <В. А. Жуковский в Москве в 1837 году>	283
Заметка А. М. Тургенева, написанная после смерти В. А. Жуковского	287
А. В. Кольцов. Из писем	288
М. Ф. де Пуле. Из книги «Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке»	291
А. И. Герцен. Из «Былого и дум»	293
Из писем	294
В. К. Кюхельбекер. Из «Дневника»	297
Из писем	301
Молитва Господня, объясненная стариком учителем своей двенадцатилетней ученице	303
Н. И. Лорер. Из «Записок декабриста»	304
А. Е. Розен. Из «Записок декабриста»	306
М. Я. Диев. Из воспоминаний «Благодетели мои и моего рода»	308
А. Н. Муравьев. Из книги «Знакомство с русскими поэтами»	309
Я. К. Грот. Из примечаний к «Очерку жизни и поэзии Жуковского»	312
Т. Г. Шевченко. Из «Дневника»	314
Из письма редактору журнала «Народное чтение»	315
А. В. Никитенко. Из «Дневника»	316
А. Н. Мокрицкий. Из «Дневника художника»	321
Ю. К. Арнольд. Из «Воспоминаний»	325
Е. А. Жуковская. Из «Воспоминаний»	326
А. Ф. Бриген. Из писем	328
Н. В. Гоголь. Из статьи «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»	331
Об «Одиссее», переводимой Жуковским	333
Из писем	340
Ф. И. Тимирязев. Из «Воспоминаний»	343
И. Е. Бецкий. Из «Дневника». Запись о свидании с В. А. Жуковским во Франкфурте	344
Из немецких воспоминаний о В. А. Жуковском (Г.-Й. Кениг, А.-Т. Гримм, вел. княжна Ольга Николаевна, М.-В. Мандт, А. фон Шорн, И. Радовиц, Ю. Кернер, А.-Ф. фон Шак)	347
А. С. Стурдза. Дань памяти Жуковского и Гоголя	353

П. А. Плетнев. Из «Письма к графине С. И. С. о русских поэтах»	359
Путешествие В. А. Жуковского по России	360
Из писем к Я. К. Гроту	365
О жизни и сочинениях В. А. Жуковского	376
Из статьи «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова»	437
В. Кальянов. Мои воспоминания о незабвенном В. А. Жуковском	439
Воспоминания о добрых делах В. А. и о любви его к ближним	440
Моя благодарность В. А. за нравоучение	441
А. И. Кошелев. Из «Записок»	443
И. И. Базаров. Воспоминания о В. А. Жуковском	445
Из «Воспоминаний протоиерея»	450
Последние дни жизни Жуковского	451
Вл. Кривич. На кладбище Александро-Невской лавры 29-го июля 1852 года	459
М. П. Погодин. Поездка в Белев	464
<Речь Погодина на обеде, данном в его честь>	467
Н. П. Барсуков. Из книги «Жизнь и труды М. П. Погодина»	471
П. М. Мартынов. Село Мишенское, родина В. А. Жуковского»	488

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихотворения, посвященные Жуковскому

А. И. Тургенев. 1. <В. А. Жуковскому>	503
К. Н. Батюшков. 2. К Жуковскому	503
3. К портрету Жуковского	505
4. «Жуковский, время все проглотит...»	505
В. Л. Пушкин. 5. К В. А. Жуковскому	506
6. Надпись к портрету И. А. Жуковского	508
7. К В. А. Жуковскому	508
П. А. Вяземский. 8. Послание к Жуковскому из Москвы в конце 1812 года	508
9. К Тиртею славян	510
10. К В. А. Жуковскому (<i>Подражание сатире II Деярео</i>)	511
11. Песнь на день рождения В. А. Жуковского	513
В. Ф. Раевский. 12. Из «Песни воинов перед сражением»	514
А Ф. Воейков. 13. К Ж<уковскому>	515
14. Из «Дома сумасшедших»	518
А. С. Пушкин. 15. К Жуковскому («Благослови, поэт!..»)	518
16. Жуковскому («Когда, к мечтательному миру...»)	521
17. К портрету Жуковского	522
М. В. Милонов. 18. К В. А. Жуковскому (<i>На получение экземпляра его стихотворений</i>)	522
19. «Жуковский, не забудь Милонова ты вечно...»	523
И. И. Козлов. 20. К другу В<асилию> А<ндреевичу> Ж<уковскому> по возвращении его из путешествия»	524
21. К Жуковскому	533
В. И. Туманский. 22. К сестре (<i>При посылке ей сочинений Жуковского</i>)	534

<i>В. К. Кюхельбекер.</i> 23. Из поэмы «Кассандра». <i>В. А. Жуковскому</i>	535
<i>П. А. Плетнев.</i> 24. Жуковский из Берлина	535
25. Послание к Ж<уковскому>	536
<i>Ф. Н. Глинка.</i> 26. <i>В. А. Жуковскому</i>	538
27. Приглашение на приезд <i>В. А. Жуковского</i> в Москву	538
28. Рейн и Москва	539
<i>В. Г. Бенедиктов.</i> 29. Воспоминание. <i>Посвящено памяти Жуковского и Пушкина</i>	541
<i>Ф. И. Тютчев.</i> 30. Памяти <i>В. А. Жуковского</i>	545
31. «Прекрасный день его на Западе исчез...»	546
32. 17-е апреля 1818	546
<i>А. Н. Майков.</i> 33. Жуковский	547
<i>Я. П. Полонский.</i> 34. Двадцать девятое января	549
<i>В. С. Соловьев.</i> 35. Родина русской поэзии (По поводу элегии «Сельское кладбище»)	550
<i>Комментарии</i>	551
<i>Принятые сокращения</i>	693
<i>Указатель имен</i>	695
<i>Указатель произведений Василия Андреевича Жуковского</i>	722

О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич

«ВОСПОМИНАНИЕ И Я — ОДНО И ТО ЖЕ»

Воспоминания современников о В. А. Жуковском впервые публикуются в одном издании. И это знаменательно: пришла пора внимательно всмотреться в личность одного из замечательнейших русских лириков и понять, почему многие поколения поэтов называли его своим учителем, почему «без Жуковского мы не имели бы Пушкина». Наступило время, когда, отбросив ярлыки и штампы, долгие годы преобладавшие в оценке творчества поэта, можно сказать, чем он был дорог русскому обществу, необходим для его нравственного развития.

Различен облик мемуаристов, писавших о нем, неоднозначна их общественная, литературная позиция. Большинство из них — деятели литературы. Свидетельства А. С. Пушкина и П. А. Вяземского, К. Н. Батюшкова и Н. М. Языкова, А. В. Кольцова и Н. В. Гоголя, А. И. Герцена и И. С. Тургенева помогают увидеть Жуковского в литературной борьбе эпохи, через восприятие его поэзии как наставника и гения-хранителя русских поэтов. Участники Отечественной войны 1812 г. и декабристы дают нам возможность увидеть лицо Жуковского — патриота и гражданина. Композитор М. И. Глинка, художник А. Н. Мокрицкий, журналисты и государственные деятели говорят о различных дарованиях поэта. Звучат голоса его родных, друзей, немецких знакомых. Около 60 свидетельств воссоздают коллективный портрет Жуковского. Этот портрет нельзя считать исчерпывающим: нужен дополнительный фронтальный поиск мемуаров о Жуковском в архивах, в малодоступных отечественных и зарубежных изданиях.

Но и предлагаемая читателю книга воспоминаний о Жуковском имеет свой смысл. Во-первых, она расширяет и конкретизирует наше сегодняшнее представление о «Коломбе русского романтизма в поэзии». Во-вторых, многие из мемуаров, часто и широко цитируемые по разным поводам, имеют важный историко-литературный характер. Они дополняют какие-то эпизоды литературной борьбы и культурного быта эпохи 1800 — 1840-х годов и характеризуют не только героя мемуаров, но и их авторов, многие из которых определяли развитие русской литературы и общественной мысли. В-третьих, самые разнообразные формы воспоминаний и свидетельств (письма, записные книжки, статьи, дневники) воссоздают процесс развития русской мемуаристики, лабораторию ее поисков.

И здесь обнаруживается удивительное соответствие между жанровой эволюцией русской мемуаристики и формами бытования образа памяти и воспоминания в творчестве Жуковского. Вся его поэзия зиждется на культе воспоминания. Сначала он функционирует как эмоциональный обертон поэзии, потом становится практической философией жизни в письмах и дневниках, в позднем творчестве Жуковского воплощается в образцах мемуарного жанра и в эпистолярных размышлениях о его природе. Соответственно этому первые ласточки русской мемуаристики XIX в. — дружеские послания 1810 — 1820-х годов, воскрешающие атмосферу литературного салона и дружеского кружка, позже — дневники и переписка, наконец, в 1830 — 1840-х годах возникает собственно мемуарная проза. Этот параллелизм творчества Жуковского и процесса становления мемуаристики позволяет считать поэта духовным предтечей русской мемуарной прозы.

1

Своеобразие воспоминаний современников о своей эпохе и ее людях определено тремя факторами: общей духовной культурой эпохи, личностью мемуариста и личностью того, кто становится героем мемуаров. Это общее положение, будучи применено к воспоминаниям современников о Жуковском, наполняется совершенно особенным содержанием и индивидуальным смыслом: именно воспоминания о нем, впервые собранные и расположенные в хронологической последовательности, обнаружили сам процесс становления мемуарного жанра в русской словесной культуре XIX в.

Отчасти это объясняется тем, что в 1830 — 1840-е годы, когда начали складываться теория, эстетика и поэтика мемуарного повествования, Жуковский еще жил и творил, но его жизнь и творчество воспринимались не столько как факт современности, сколько как живой памятник только что минувшей литературной эпохи. Однако дело не только в этом. Сам Жуковский, своей личностью, своей поэтической философией и философией жизни, своими размышлениями о сути словесности и своей поэзией, сформировал в эмоциональной культуре современного ему общества культ памяти, являющийся неременной опорной точкой мемуаристики как грани этой культуры. Поэзия Жуковского явилась одним из источников и самых значительных слагаемых той самой духовной культуры первой половины XIX в., в атмосфере которой выросли будущие летописцы этой эпохи, создатели русской мемуаристики того времени. Поэтому можно сказать, что основанием, субстратом и отправным пунктом русской мемуаристики стала поэзия Жуковского, не столько выразившая в себе определенную историко-литературную эпоху, сколько создавшая очень определенную модель эмоциональной куль-

туры человека этой эпохи. Таким образом, все три фактора, обуславливающие своеобразие мемуаров, в данном случае восходят к одной общей первопричине: личности Жуковского и его поэзии, самому верному зеркалу, отражающему личность человека.

В. Г. Белинский недаром заметил, что поэзия Жуковского — это «целый период нравственного развития нашего общества»¹. В творчестве поэта обнаруживаются истоки целого ряда романтических культов: мотивы дружбы, элегической меланхолии, томления по невыразимому становятся одной из характерных примет массовой поэзии, внедряются в быт литературных салонов и дружеских кружков — так неприметно поэзия Жуковского обогащала эмоциональную жизнь общества. Но еще один культ, воспринятый и глубоко прочувствованный современниками поэта и принесший свои плоды в духовной культуре XIX в., до сих пор ускользает от нас, может быть, в силу своей не прямой, метафорической связи с этой культурой. Это — культ памяти и особого состояния души, воспоминания, лейтмотивный в поэзии Жуковского и делающий его лирику опосредствованной предшественницей мемуаристики как культурного явления, возникшего в середине XIX в.

Романтизм Жуковского с его «очарованным *Там*» и «святым *Прежде*» впервые канонизировал в массовом эстетическом сознании эпохи идею памяти как живой связи времен и воспоминания как синонима нравственности. «Поэзия есть добродетель» и «Воспоминание есть <...> двойник нашей совести» — это исходный и конечный пункты развития идеи воспоминания как необходимого связующего звена духовной преемственности разных эпох в творчестве самого Жуковского. Благодаря ему эта идея укоренилась и в русской мемуарной культуре XIX в., возникшей из стремления ее создателей сохранить для потомства живой облик великих современников.

Прежде чем стать теорией, философией и родом творчества, воспоминание как категория духовной жизни и примета психологического процесса нашло свое воплощение в поэзии Жуковского. В самых ранних одах 1797—1799 гг. («Добродетель», «Герой», «Человек») идея воспоминания, еще не выраженная словесно, организует нравственную и эстетическую концепцию личности, общества и истории. Память как словесный лейтмотив входит в лирику Жуковского, начиная с перевода элегии Т. Грея «Сельское кладбище» (1802): «Любовь на камне сем их память сохранила». С этого момента воспоминание как состояние живущей и творящей души образует устойчивый эмоциональный рисунок элегии Жуковского:

Сижу, задумавшись, в душе моей мечты:
К протекшим временам лечу воспоминаньем...

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 241.

О, дней моих весна, как быстро скрылась ты,
С твоим блаженством и страданьем!

«Вечер», 1806

Однажды оформившись как лейтмотив, категория воспоминания далее дифференцируется, обрстая целым рядом переносных смыслов и оттенками эмоциональных значений; но при этом сохраняется главное: синонимичность воспоминания и поэтической мечты, прекрасного, идеального:

Воспоминая здесь унылое живет!
Здесь, к урне преклонясь задумчивой главою,
Оно беседует о том, чего уж нет,
С неизменяющей Мечтою.

«Славянка», 1815

Не случайно то обстоятельство, что особенная продуктивность мотива воспоминания в лирике Жуковского приходится на 1814—1824 гг. — время неоспоримого первенства его на русском Парнасе, время максимального влияния его поэзии на русский литературный процесс и на формирование поэтических систем его младших современников, среди которых первое место принадлежит Пушкину, органично усвоившему культ воспоминания из поэзии своего учителя. Практически каждое стихотворение Жуковского — от альбомной шутки до эстетического манифеста — организовано мотивом воспоминания, которое постепенно становится синонимом самой жизни:

Мне умереть с тоски вспоминая!
Но можно ль жить — увы! — и позабыть!

«Воспоминание», 1814

Посвящение к поэме «Двенадцать спящих дев» (1818), «Невыразимое» (1819), «Цвет завета» (1819), «Лалла Рук» (1821), «Воспоминание» (1821), «Мотылек и цветы» (1824) — все эти эстетические манифесты Жуковского выстраивают метафорическую цепочку категорий духовной жизни, которые воплощаются в поэтических лейтмотивах «мечты», «минувшего», «упования», «очарования», где связующим звеном между жизнью и творчеством становится воспоминание, обретающее статус эстетического понятия. Выражением этой сопряженности жизни и поэзии в воспоминании стала знаменитая формула Жуковского «Жизнь и Поэзия — одно» («Я Музу юную, бывало, // Встречал в подлунной стороне...», 1824), во многом определившая впоследствии восприятие личности поэта его современниками. Так воспоминание постепенно становится в творчестве Жуковского философской категорией,

синтезирующей жизненное впечатление, творческий акт и нравственный урок. Афористическим выражением этой философичности стало стихотворение 1829 г. «Памятники»:

То место, где был добрый, свято!
Для самых поздних внуков там звучит
Его благое слово и живет
Его благое дело.

Здесь уже слышится предвестие поздней концепции поэтической жизни, которую Жуковский выстроил, опираясь на пушкинскую формулу «Слова поэта суть уже дела его» («О поэте и современном его значении», 1848). Так в творчестве самого Жуковского осуществляется своеобразный акт самосознания памяти, воспоминания, постепенно отстраняющихся от поэзии для того, чтобы стать жизнью и гранью общей духовной культуры эпохи. Возникшее как поэтический образ, воспоминание для Жуковского постепенно становится жизненной философией и повседневной житейской потребностью.

Философский аспект идеи воспоминания выразился в том, что сам поэт назвал «философией фонарей»: «Я когда-то сказал: счастье жизни состоит не из отдельных наслаждений, но из наслаждений с *воспоминанием*, и эти наслаждения сравнил я с фонарями, зажженными ночью на улице: они разделены промежутками, но эти промежутки *освещены*, и вся улица светла, хотя *не вся* составлена из света. Так и счастье жизни! Наслаждение — фонарь, зажженный на дороге жизни; воспоминание — свет, а счастье — ряд этих фонарей, этих прекрасных, светлых воспоминаний, которые всю жизнь озаряют»².

Эта же философия жизни характерна для статьи «Воспоминание» в цикле «Мысли и замечания» (1850), написанной как комментарий к стихотворению «Воспоминание» 1821 г. Показательно, однако, и то, что эти философские образы воспоминания сформировались у Жуковского довольно рано, в 1815—1821 гг., и то, что это была практическая философия, которая выразилась в осознанном стремлении сохранить черты минувшего в собственной памяти и для потомков. С середины 1830-х годов поэт начинает призывать своих близких к закреплению образов прошлого на бумаге. В этих призывах наглядно воплощается формирование концепции мемуарного жанра в творческом сознании Жуковского. Поэтическое дело становится делом жизни.

Первоначально это стремление закрепить уходящее, воскресить минувшее отливается у поэта в неадекватной форме: первые воспоминания, созданные им, не словесные, а живописные — цикл рисунков пером, изображающих виды его родины, села Мишенского. Побуждением

² Кульман Н. К. Рукописи В. А. Жуковского, хранящиеся в библиотеке гр. А. А. и А. А. Бобринских. СПб., 1901. С. 7.

к созданию этих рисунков был один из первых опытов племянницы поэта, детской писательницы А. П. Зонтаг, в литературном оформлении их общих детских воспоминаний: «Мне так стало грустно, что все на родине нашей исчезло, что я вздумал все снова построить на бумаге; как мог что вспомнить, так и нарисовал <...>», — писал ей Жуковский в ноябре 1836 г.³ Рисунки видов Мишенского — необходимое для него переходное звено от отвлеченно-невещественного поэтического воспоминания к конкретике мемуарного жанра.

В 1830 — 1840-х годах Жуковский, разделивший пушкинское увлечение мемуарной литературой и историческим анекдотом и бывший инициатором предпринятой Пушкиным записи устных рассказов Загряжской, практически становится мемуаристом в своих письмах. Два знаменитых письма поэта 1837 г. — Сергею Львовичу Пушкину и шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу — осознаются сегодня как мемуарные источники биографии Пушкина. Не столь широко известные образцы этого жанра — очерки-некрологи «О стихотворениях И. И. Козлова», «К. К. Мердер», биографический очерк «Иосиф Радовиц», письма—отклики на известия о смерти А. И. Тургенева и Н. В. Гоголя, своеобразные надгробные речи друзьям, которые бегло очерчивают контуры их обликов. Поэт, культивировавший воспоминание как эстетическую и нравственную ценность, воплотил этот культ в собственных воспоминаниях о близких спутниках своей жизни:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностью: *были!*

«Воспоминание», 1821

Для истоков формирования русской мемуаристики как отрасли словесной культуры первостепенное значение приобретают не только поэзия Жуковского, сделавшая воспоминание насущной потребностью эмоциональной жизни, не только его собственные мемуарные опыты, но и его эпистолярные размышления о сущности мемуарного жанра. В этих письмах поэтическая философия воспоминания постепенно переходит в концепцию мемуаристики, в которой Жуковский, как и в поэзии, выступает новатором. Из его рекомендаций «анналисту» их общего прошлого, А. П. Зонтаг, вырастает своеобразная фрагментарная теория романтических мемуаров «без связи», «без порядка», одушевленных настроением и тем не менее связанных с конкретной, в духе поэтической теории романтизма, «местностью». Первая такого рода рекомендация высказана довольно рано: в апреле 1836 г. Жуковский пишет своей

³ Уткинский сборник. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. М., 1904. С. 112—113.